

Original article

УДК 330.34:519.1(571.6)

<https://elibrary.ru/EFQHQR>

The Far-Eastern combinatorics. On decision-making mechanisms and practices

**Oleg M.
Renzin**

Advisor to the Director of
the Institute of economic
research, the Far-Eastern
branch of the Russian
Academy of Sciences

Abstract. *This article examines implementation of scientific ideas on the conceptual cycle and geopolitical asymmetry for the Far East and their impact on formation of the effective regional policy for territorial development. The article identifies characteristics of participation of the Far-Eastern scientific expertise in the region's strategic transformations, including the work of the economic research institute (the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences), the Institute of geography, and the other scientific organizations. This article examines modification of reform actions by the government and regional authorities in the Far East as a shift in the institutional models of territorial development. Institutional formats for mitigating asymmetries in the development and implementation of proposals generated by the federal and local government structures during the periods of important formalization and organizational changes in the regional policy implemented in the Far East are identified. The need to consider the conceptual cycle when developing new models for the regional decision-making is demonstrated.*

Keywords: *the Far East, regional governance, regional policy, scientific expertise, phased segmentation of territorial development, institutional transformations*

For citation: Renzin, O. M. (2026) The Far-Eastern combinatorics. On decision-making mechanisms and practices. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (116), pp. 187–196. EDN: EFQHQR

Научная статья

Дальневосточная комбинаторика. О механизмах и практиках принятия решений

Олег Маркович Рензин

Советник директора Института экономических исследований ДВО РАН

Аннотация. В статье рассмотрена реализация научных идей концептуального цикла и геополитической асимметрии для Дальнего Востока, разработанных дальневосточными учеными, и оценено их влияние на формирование эффективной региональной политики для территориального развития. Определены характеристики участия в стратегических преобразованиях региона дальневосточной научной экспертизы, включая работы Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Института географии Дальневосточного отделения РАН. Описана модификация реформационных действий федеральных и региональных властей на Дальнем Востоке как смены институциональных моделей развития территории. Выделены институциональные форматы сглаживания асимметрии в разработке и реализации предложений, формируемых в федеральных и локальных властных структурах в периоды принятия важных формализационных и организационных изменений в региональной политике, осуществляемой на Дальнем Востоке. Отмечено, что институциональные изменения определили формирование новой специфической архитектуры регионального управления для Дальнего Востока, об успешности которой свидетельствуют высокие динамические характеристики развития макрорегиона последнего десятилетия, достигнутое статистическое опережение динамики развития Дальневосточного федерального округа по сравнению с общероссийскими показателями. Показана необходимость учета концептуального цикла при разработке новых моделей принятия региональных решений, в том числе с учетом очередного циклического видоизменения программных условий развития региона и нового этапа преодоления факторов геополитической асимметрии. Обращено внимание на активную роль в этих процессах научного сообщества с учетом накопленного дальневосточного интеллектуального потенциала.

Ключевые слова: Дальний Восток, региональное управление, региональная политика, научная экспертиза, поэтапная сегментация территориального развития, институциональные преобразования

Для цитирования: Рензин, О. М. Дальневосточная комбинаторика. О механизмах и практиках принятия решений // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 3 (116). С. 187–196. EDN: EFQHQQR

Введение

Формирование экономической и социальной систем Дальнего Востока России не относится к числу тривиальных задач территориального развития. Это определено и масштабами региона, и его крайне разнообразными естественными и геополитическими характеристиками, и содержательно сложным государственным, корпоративным и общественным управлением. Данные аспекты многократно фиксировались как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [Богатов, 2024; Pacific Russia ..., 1997]. С учетом указанных факторов на Дальнем Востоке шло формирование круга исследовательских задач, связанных с

определением контуров моделей экономического развития региона, выделением значимых импульсов и технологий преобразований, формирования логики, философии и регуляtorики для их практической реализации [Минакир, Демьяненко, Рензин, Шейнгауз, 2006; Минакир, Рензин, 2021].

Системообразующие позиции дальневосточных лидеров пространственной науки

Среди полученных в регионе научных результатов на достижение названных целей значительное влияние оказывают системообразующие позиции, сформулированные в последние десятилетия экспертами пространственной науки на

Дальнем Востоке России – академиками РАН П. А. Минакиром (Институт экономических исследований ДВО РАН) и П. Я. Баклановым (Институт географии ДВО РАН). Ими были представлены генеративные идеи о движущих силах структурообразования в Дальневосточном макрорегионе, которые определили значимые направления исследований процессов территориального развития.

П. А. Минакиром была рассмотрена проблематика формирования концептуального цикла, реализуемого в экономике Дальнего Востока в периоды его освоения и развития, а также связь с используемыми его модификациями в решении возникающих при этом прикладных задач [Минакир, 1998; Синтез ..., 2011]. В качестве модельной конструкции им была использована схема оценки взаимосвязанности стратегических хозяйственных построений в региональной экономике Дальнего Востока, выявления логической последовательности действий участников процесса развития (правительства, хозяйствующих субъектов, населения). При таком подходе появляется потенциальная возможность для поэтапной оценки временных и пространственных границ запланированных преобразований.

Согласно П. А. Минакиру, при освоении и развитии Дальнего Востока России наблюдается определенная закономерность в формировании и последующем замещении схем регионального развития. Далее процесс зеркально отражается в конструировании комплекса решаемых хозяйственных задач. На следующем шаге происходящая трансформация транслируется на практики использования экономических ресурсов, различающиеся как по масштабам и интенсивности, так и по структурным характеристикам. В результате цепочек названных взаимодействий в регионе происходят фактические изменения хозяйственной и социальной среды, а также направленности и интенсивности осуществления преобразований.

Автор идеи показал, что начавшись как политический процесс освоения восточных территорий, оборонительная концепция начала генерировать импульсы

для реализации следующих этапов экономического развития Дальнего Востока. Формирование здесь надежной оборонной системы предопределяло концептуальное решение проблем ее тыловой обеспеченности. В условиях территориальной удаленности от основных производственных районов России этот комплекс задач сформировал идеологию максимальной локализации на Дальнем Востоке экономической базы для обеспечения функционирования оборонного комплекса, что определило активное освоение местных ресурсов, формирование на их основе перерабатывающих производств, развитие полноценных промышленных и сельскохозяйственных структур. Следующей стояла концептуальная задача обеспечения развивающейся экономической системы устойчивым трудовым потенциалом. Именно поэтому формирование программ заселения Дальнего Востока получило ключевую роль в общих региональных процессах [Антология ..., 2008]. Их исполнение вызвало необходимость пересмотра позиций по созданию транспортной инфраструктуры массового пользования, обеспечивающей в том числе и гражданские потоки перемещения людей, товаров и услуг. Реализация этой совокупности идей породила «экономический бум» на Дальнем Востоке, что потребовало от правительства стратегических решений по созданию базовой финансово-экономической структуры. В совокупности это способствовало созданию способного к самоорганизации регионального институционального механизма.

Протекционистские действия государства, стратегически реализующего поставленные геополитические цели, определили в перспективе характеристики экономического и социального направлений развития региональной системы Дальнего Востока. Решение приграничных задач, давшее мощный импульс внутриэкономическим процессам, одновременно стало фактором, корректирующим стратегические установки. Сформировавшийся экономический потенциал определил расширение целевого круга – переход от защитных функций к

представительским, расширяющим зону экономического влияния и региона, и страны. Изменение целевой области стало одним из важных последствий развития концептуального цикла – от стратегической установки к инструментарию её реализации, а затем и к следующей развивающей концепции регионального функционирования.

Диалектику этого процесса не изменяли ни конъюнктурные флуктуации, ни минимизация объемов используемых ресурсов. П. А. Минакиром было показано, что даже в условиях ограниченности ресурсов для регионального развития Дальнего Востока, в том числе бюджетных, территориальная система была способна скорректировать внутренние процессы, институционально определяя новые факторы поддержки экономического процесса. В такие периоды происходило замещение протекционистских мер, формируемых национальным правительством, увеличивающимся хозяйственным оборотом внутри региональной системы, расширением локального экономического потенциала за счет контактов со структурами сопредельных стран Азии.

Согласно сформированной П. А. Минакиром концепции, для Дальнего Востока характерно не линейное развитие, а процесс, в котором каждые 10 – 12 лет происходит смена концепции освоения и развития. «Можно говорить, о «концептуальном цикле» как о смене концепций регионального развития, отражающем объективные пульсирующие чередования параметрической пары «цели – ресурсы» [Синтез ..., 2011]. Таким образом, с учетом полученных исследовательских результатов при рассмотрении проблем развития Дальнего Востока более объективным является долгосрочное прогнозирование, отражающее вариации технологий и инструментов развития при сохранении основных стратегических целей.

Другая концептуальная модель, определяющая закономерности регионального развития Дальнего Востока, была сформулирована академиком П. Я. Баклановым. Она была связана с теоретическим положением о геополитической

асимметрии как стратегическом факторе территориального процесса. Предложенную системную характеристику такого влияния, по мнению автора, следует использовать при формировании вариантов развития Дальнего Востока России [Бакланов, 2003; Стратегические проблемы ..., 2005].

П. Я. Бакланов пишет, что под геополитическим положением региона «следует понимать географическое положение по отношению к другим, прежде всего соседним странам, с учетом сходства и различия их политических систем, соотношения их геополитических потенциалов, а также наличия или отсутствия взаимных геополитических интересов и проблем» [Стратегические проблемы ..., 2005]. Фактически был предложен вариант учета в стратегическом планировании Дальнего Востока потенциальных рисков, возникающих при долгосрочных временных горизонтах.

Это вступало в дискуссионность с используемым в оценке реализуемой территориальной политики подходом, в котором акценты скорее ставились на отражении позитивных сторон региональной организации страны. Вот что, к примеру, о ситуации на Дальнем Востоке писал один из основных идеологов российской школы геополитики А. Дугин: «Приоритетным направлением здесь будет широтная интеграция по длинной оси Челябинск – Хабаровск. Все это пространство гигантской протяженности составляет главное стратегическое преимущество России как подлинно евразийской державы... Эта полоса является рычагом управления всей Евразии, включая Европу» [Дугин, 1997].

П. Я. Бакланов считал такой взгляд недостаточно объективным. Согласно его работам, в этом регионе геополитическая асимметрия существовала во всех периодах развития. В начале 21 века она стала усиливаться. С учетом флуктуаций, вызванных постсоциалистическим переходом, стали проявляться значительные сложности во взаимодействиях с различными сопредельными регионами. Они не были похожими, иногда имели контрастные характеристики,

что определило необходимость их учета при организации внутренней и внешней политики. По мнению автора этой идеи, если такие процессы не получают отражения в среднесрочном и долгосрочном региональном планировании, то асимметрия будет возрастать, что вызовет нежелательные экономические и социальные последствия. В качестве средства разрешения накапливаемых противоречий – смена роли Дальневосточного макрорегиона с «кладовой» природных богатств, в полноправного участника глобальных цепочек стоимости. В этой сфере, по мнению специалистов, «штамп «неисчерпаемых ресурсов» сохранился и ударил бумерангом, породив завышенные ожидания» [Гловели, 2009]. Учитывая потенциальные риски, необходимо последовательно формировать и использовать естественные преимущества, которые дают природные богатства, и одновременно наращивать накопленный здесь за длительный период освоения территорий экономический, научно-технический и социальный потенциал. В целом, разработка П. Я. Бакланова отражала необходимость более точного и тонкого подхода к программной работе с неопределенностями развития, в т. ч. геополитического характера.

Сформулированные дальневосточными учеными императивность осуществления прогнозирования в рамках «концептуального цикла» и применение при этом риск-ориентированных технологий были чрезвычайно важными при осуществлении индикативного планирования экономики Дальнего Востока России. Их можно рассматривать как органичные элементы проектного сотрудничества научного сообщества и практиков регионального управления.

Для Дальнего Востока России включение разработок научных организаций стало одним из эффективно работающих блоков регионального управления, начиная с 1970-х годов, когда был создан и начал эффективно развиваться Дальневосточный центр Академии наук СССР. С этого времени научное сопровождение процессов развития Дальнего Востока приняло системный характер. Дальневосточным академическим и экспертным

сообществом стали разрабатываться научные прогнозы развития региона и его производственных структур, им формировались возможные варианты трансформации региональной социально-экономической структуры на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Большой вклад в этот процесс был внесен Институтом экономических исследований ДВО РАН, который с момента создания в 1971 году был включен сначала в плановые процессы, а затем в системное формирование новой архитектуры управления. В качестве генеральных направлений его работы были выделены экономическое обоснование перспектив развития и размещения производительных сил Дальнего Востока, разработка экономико-математических методов определения экономической эффективности, разработка проблем дальнейшего совершенствования новой системы управления, планирования и стимулирования, изучение проблем экономического сотрудничества/взаимодействия Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии [Прокапало, Рензин, 2021].

Принятие к разработке этой академической структурой региональных исследовательских задач вызвало активные процессы взаимодействия академических исследовательских структур и с отраслевыми институтами, и с хозяйственной практикой (и на федеральном, и на региональном уровне).

Особо активной была практика взаимодействия с органами управления страны и дальневосточного макрорегиона в периоды различных трансформационных переходов, например, реформирования экономики Дальнего Востока в условиях позднесоциалистических преобразований [Минакир, Рензин, Чичканов, 1986; Minakir, Renzin, Tchitchkanov, 1998]. В результате была получена согласованная дальневосточными учеными и практиками позиция, которая в дальнейшем нашла отражение и в разрабатываемых научных исследованиях, и в правительственных документах.

В переходный период (1991–2000 годы) и в период становления новой

экономической политики на Дальнем Востоке (2001–2015 годы) такие формы взаимодействия имели важное значение при формировании конкретного набора региональных решений.

При поддержке института в постсоветский период были разработаны значимые для регионального управления фундаментальные документы – первоначальный вариант Программы развития Дальнего Востока («Президентской» 1996 год); рабочий текст Стратегии развития Дальнего Востока до 2025 года (2009 год), научный доклад Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития (2010 год); аналитическая работа Сценарии развития Восточной Сибири и Дальнего Востока до 2030 года (2011 год.); Синтез научно-технических и экономических прогнозов Тихоокеанская Россия – 2050 (2012 год.). Осуществлены разработка и сопровождение локальных программ развития для ряда регионов Дальнего Востока (Хабаровского края, Амурской области, Еврейской автономной области). Такой региональный симбиоз высокой научной подготовленности управленческих решений, согласованный с использованием позитивного опыта регуляторной практики, стал безусловным фактором повышения интеллектуального потенциала в разработке перспективных планов и проектов.

Происходящая в регионе системная трансформация управленческих действий показывала, что даже в условиях чрезвычайных экономических ситуаций разумные институциональные перестроения дают возможность для получения результатов.

По итогам переходного периода 1990-х годов ситуация на Дальнем Востоке России резко обострилась. Наличие транспортных и энергетических ограничений, отрицательная миграция наиболее активной части трудоспособного населения, сокращение объемов государственной поддержки производственного сектора формировали общую негативную картину перспективного развития региона.

В наиболее остром виде представлялось нарастание общесистемных про-

блем – инфраструктурных, транспортных и энергетических, которые охватывали весь хозяйственный комплекс Дальнего Востока России.

В дополнение к текущим проблемам сильное влияние на негативные перспективные оценки оказывало практическое отсутствие реального финансового наполнения программ развития, включая «Президентскую» 1996 года. В условиях высокой дефицитности государственного бюджета не было ресурсов для поддержания программных обязательств. «Президентская программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы» имела ряд серьезных ограничений: у государства не было ни денег, ни влияния на региональную политику и экономику» [Скоробогатый, 2020].

Однако, даже в условиях потери регуляторной поддержки из федерального бюджета, и правительство, и территории, и бизнес стали использовать в регионе ранее слабо доступные источники экономических ресурсов. В дальневосточном регионе в этот период интенсивно шло формирование портфеля новых экономических идей, временами рациональных, временами экспериментальных.

Из списка рациональных достижений 1990-х годов следует отметить активную государственную политику в формировании международных контактов. На Дальнем Востоке России были открыты ранее запрещенные для посещения иностранцами и регламентированные для посещения гражданами страны города (Владивосток, Петропавловск-Камчатский). Начиная с 2000 года, интернационализация развития макро-региона приобретает официальный характер, становится одной из важных составляющих регуляторики для дальневосточного макрорегиона.

Отсутствие в этот период последовательной и комплексной государственной политики по отношению к Дальнему Востоку России формировало для макрорегиона основные экономические и социальные риски.

Ситуация и в государственной региональной политике, и непосредственно

хозяйственной системе Дальнего Востока России кардинально начала изменяться в конце 1990-х годов. С одной стороны, это происходило как следствие преодоления финансово-экономического кризиса 1998 года и улучшения положения в области государственных финансов. С другой стороны, в стране были приняты важные институциональные решения, которые обозначали, что в России стала конструироваться новая региональная концепция. Её основные положения были изложены В. В. Путиным, вступившим в 1999 году в должность премьер-министра Российской Федерации.

Заявленные позиции об усилении реальной роли государства в региональном развитии включали несколько системных мероприятий: 1) усиление вертикали центральной власти с закреплением прав центра и регионов; 2) устранение фактического неравенства регионов из-за асимметричных контрактов с центром; 3) оптимизация (или рационализация) фактической сетки регионов.

Для проведения эффективной территориальной политики, прежде всего, было необходимо упорядочить и структурировать огромное экономическое пространство региональной экономики России, включая Дальний Восток. Как признавали российские и международные эксперты, для страны это была одна из сложнейших управленческих проблем. «Одной из самых трудновыполнимых задач сегодняшней России является усиление связанности экономики, которая велика по объему и крайне неэффективно развита» [Хилл, Клиффорд, 2007]. Для этих целей осуществлялось изменение структуры и властных полномочий в управленческой системе регионов, которое включало выведение губернаторов из членства в Совете Федерации, формирование системы федеральных округов и назначение представителей Президента РФ во главе их, при одновременном уменьшении степени самостоятельности региональных руководителей. Фактически была использована стратегия формирования промежуточных звеньев управления.

Это было изменение «квазигоспланов-

ского» формата взаимоотношений центра и регионов: «распределитель» и «клиентура», установление единообразных правил игры для всех участников этого процесса, модификация бюджетного федерализма. В 2001 году была сформулирована идея об отказе от конструкции федеративного устройства, основанной на двусторонних договорах между центром и субъектами федерации.

Это было целенаправленное формирование специальных региональных проектов, исходя исключительно из макроэкономических приоритетов: программы, стратегии и т. п. Для Дальнего Востока эта часть новой региональной политики показала институциональную результативность – началась работа над новыми по идеологии проектами региональной политики. Начата разработка Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона, в число разработчиков которой вошел Институт экономических исследований ДВО РАН. Создана специальная Госкомиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока под председательством премьер-министра. Было принято решение о проведении во Владивостоке саммита АТЭС в 2012 году. В составе Комитета по экономической политике Госдумы РФ был в 2008 году создан подкомитет по развитию Дальнего Востока. В 2012 году в структуре правительства впервые был создан орган, представляющий интересы региона: Министерство по развитию Дальнего Востока. В регионе сформировался системный пул преференциальных режимов, способствующих осуществлению инвестиционной деятельности и эффективному функционированию хозяйствующих субъектов.

Осуществленные институциональные изменения определили формирование новой специфической архитектуры регионального управления для Дальнего Востока. Об успешности осуществления преобразований к этому времени свидетельствует достигнутое через несколько лет статистическое опережение динамики развития Дальневосточного федерального округа по сравнению с общероссийскими показателями. Так, рост ВРП ДФО (в % к

предыдущему году) составлял в 2014 году 101,9 (для РФ показатель ВВП был ниже – 101,3), аналогичная картина наблюдалась в 2015 году: для ДФО – 100,7 (для РФ – 99,4), в 2016 году: для ДФО – 101,5 (для РФ – 99,8). Аналогичная позитивная пропорция в пользу Дальнего Востока наблюдалась также и в показателях динамики промышленного производства. В 2014 году для ДФО рост составлял 106,7 (для РФ – 101,7), в 2015 году для ДФО – 101,0 (для РФ – 96,6), в 2016 году для ДФО – 101,8 (для РФ – 101,3) [Российский ..., 2017]. Отметим устойчивость сложившейся тенденции: подобная сравнительная динамика сохранилась и в последние годы. В 2025 году выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в ДФО составил 103,3 (в РФ – 101,4); промышленное производство в ДФО – 102,1 (в РФ – 101,3) [Прокапало, Бардадь, Исаев, Мазитова, 2026].

Заключение

Высокие динамические характеристики развития Дальнего Востока последнего десятилетия есть не только свидетельство успешности сформировавшейся модели, но, одновременно, это определенный сигнал о том, что потенциальный её успех имеет определенные временные и институциональные границы. Любая концепция действует в течение определенного временного интервала, в рамках которого сохраняются относительно неизменными существенные предпосылки и условия, определяющие позитивный характер функционирования. При их изменении будет необходимо осуществление концептуального перехода, к которому требуется и стратегическая, и

тактическая, и институциональная подготовка. Конструирование способа перенесения достигнутых результатов в следующий региональный цикл есть одна из перспективных задач в обозримом будущем.

Кроме того, необходимо учитывать, что современная дальневосточная экономика вступает в зону новых рисков. Они имеют и технологический характер, генерируемый через цифровую модернизацию экономики и управления, и геополитические воздействия, связанные с активным недружественным противостоянием, и национальные финансовые проблемы, определенные бюджетной перестройкой экономики, и региональные, возникающие в сферах активной социальной политики и управления трудовым потенциалом территории.

В совершенствовании такого инструментария, безусловно, активную роль должна сыграть экономическая наука, накопленный на Дальнем Востоке интеллектуальный потенциал. К числу вопросов, которые, безусловно, требуют и научного, и организационного разрешения будет, безусловно, относиться очередное циклическое видоизменение программных условий развития региона, и новый этап преодоления факторов геополитической асимметрии. Подготовка для этого институциональных инноваций, как и на всех предыдущих этапах развития Дальнего Востока, становится важным условием адаптации хозяйственной системы к новым условиям функционирования, что формирует новый круг региональных задач и новых практик их решений.

Список источников:

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Колонизационные процессы в Приморском крае на рубеже XIX–XX веков. – Хабаровск: РИОТИП, 2008. – 208 с.
2. Бакланов, П. Я. О категориях современной геополитики // Известия РАН. Серия географическая. 2003. № 2. С.7–16. EDN: ONXFXB
3. Богатов, В. В. Академическая наука на Российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). – Владивосток: Дальнаука. 2024. – 576 с. EDN: IFRVZV
4. Владимир Путин говорит о главном. Из выступления в Государственной Думе 16 августа // Российская газета, 17 августа 1999 г.
5. Гловели, Г. Д. Геополитическая экономия в России. С.-Пб: АЛЕТЕЙЯ, 2009. – 204 с.

6. Дугин, А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: АТКТОГЕЯ, 1997. – 608 с.
7. Минакир, П. А. Дальний Восток России: модели развития и сценарии будущего // Вестник ДВО РАН. 1998. № 6. С.18–30.
8. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н., Рензин, О. М., Шейнгауз, А. С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 7–33. EDN: KVNIGV
9. Минакир, П. А., Рензин, О. М. Экономическая наука и региональное экономическое развитие: Дальний Восток // Пространственная экономика 2021. № 3. С. 7–37. DOI: 10.14530/se.2021.3.007-037 EDN: XMUEJY
10. Минакир, П., Рензин, О., Чичканов, В. Экономика Дальнего Востока: перспективы ускорения. Хабаровск: Книжное издательство. 1986. 256 с.
11. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2025 г. // Пространственная экономика. 2026. Т. 22. № 2. С. 106–151. DOI: 10.14530/se.2026.2.106-151 EDN: EFKEJU
12. Прокапало, О. М., Рензин, О. М. Дальневосточная школа исследований экономики: становление, развитие, перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3. С.16–30. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-96-3-16-30 EDN: NHQWST
13. Российский Дальний Восток на пути в будущее. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. – 395 с.
14. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 912 с.
15. Скоробогатый, П. От Корякии до Владивостока // Эксперт. 2020. № 40 (1178). – URL: <https://monocle.ru/expert/2020/40/ot-koryakii-do-vladivostoka/>
16. Стратегические проблемы национального развития и международного сотрудничества: дальневосточный вектор. Отделение общественных наук РАН. – Хабаровск, 2005. – 304 с.
17. Хилл, Ф., Клиффорд, Г. Сибирское время. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 328 с.
18. Minakir, P., Renzin, O., Tchitchkanov, V. L'Extreme-Orient Sovietique Face a L'Avenir. – Moscou: Editions du Progres, 1988. – 200 p.
19. Pacific Russia: Risk and Rewards. –N.-Y.: East Asia Analytical Unit, 1997. – 128 pp.

References:

1. Anthology of Economic Thought in the Far East. Issue 1. Colonization Processes in the Primorsky Krai at the Turn of the 19th–20th Centuries. – Khabarovsk: RIOTIP, 2008. – 208 p. (in Russ.).
2. Baklanov, P. Ya. (2003) On the Categories of Modern Geopolitics. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, no. 2, pp. 7–16. EDN: ONXFXB (in Russ.).
3. Bogatov, V. V. (2024) Academic Science in the Russian East (on the occasion of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences). – Vladivostok: Dalnauka. – 576 p. EDN: IFRVZV (in Russ.).
4. Vladimir Putin speaks about the main things. From a speech in the State Duma on August 16. *Rossiyskaya Gazeta*, August 17, 1999.
5. Gloveli, G. D. (2009) Geopolitical Economy in Russia. St. Petersburg: ALEETEYA, 204 p. (in Russ.).
6. Dugin, A. (1997) Fundamentals of Geopolitics. The Geopolitical Future of Russia. – Moscow: Atkoteya, 608 p. (in Russ.).
7. Minakir, P. A. (1998) The Russian Far East: development models and scenarios of

the future. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 6. pp. 18–30 (in Russ.).

8. Minakir, P. A., Demyanenko, A. N., Renzin, O. M., Sheingauz, A. S. (2006) Economic research in the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, no. 3, pp. 7–33. EDN: KVNGIV (in Russ.).

9. Minakir, P. A., Renzin, O. M. (2021) Economic Science and Regional Economic Development: The Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 17, no. 3, pp. 7–37. DOI:10.14530/se.2021.3.007-037 (in Russ.).

10. Minakir, P., Renzin, O., Chichkanov, V. (1986) The Economy of the Far East: Prospects for Acceleration. Khabarovsk: Knizhnoe Izdatelstvo, 256 p. (in Russ.).

11. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2026) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2025. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, vol. 22, no. 2, pp. 106–151. DOI: 10.14530/se.2026.2.106-151 EDN: EFKEJU (in Russ.).

12. Prokapalo O. M., Renzin O. M. (2021) The Far-Eastern school of economic research: formation, development, prospects (to the 50th anniversary of the ERI FEB RAS). *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (96), pp. 16–30. DOI 10.22394/1818-4049-2021-96-3-16-30 EDN: NHQWCT (in Russ.).

13. The Russian Far East on the Path to the Future. – Khabarovsk: Institute of Economic Forecasting of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 395 p. (in Russ.).

14. Synthesis of Scientific, Technical and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050 / edited by P. A. Minakir, V. I. Sergienko. – Vladivostok: Dalnauka, 2011. – 912 p. (in Russ.).

15. Skorobogaty P. From Koryakia to Vladivostok // Expert. 2020. No. 40 (1178). – URL: : <https://monocle.ru/expert/2020/40/ot-koryakii-do-vladivostoka/> (in Russ.).

16. Strategic Problems of National Development and International Cooperation: The Far Eastern Perspective. Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk, 2005. – 304 p. (in Russ.).

17. Hill F., Clifford G. Siberian Time. Soviet Planning Miscalculations and the Future of Russia / Translated from English. – Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations, 2007. – 328 p. (in Russ.).

18. Minakir P., Renzin O., Chichkanov V. The Soviet Far East: A Look into the Future. – Moscow: Progress, 1988. – 200 p.

19. Pacific Russia: Risks and benefits. – New York: East Asia Analytical Unit, 1997. – 128 p.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 10.08.2026.

The article was submitted 07.07.2026; approved after reviewing 06.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора Института экономических исследований ДВО РАН, кандидат экономических наук, Хабаровск, Россия

renzin@ecrin.ru

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economic Sciences, Advisor to the Director of the Institute of economic research, the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia

renzin@ecrin.ru